

БЕВЕРЛИ
КЕНДАЛЛ
Жертвца
счастья

РОМАН

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
К35

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Beverley Kendall
AN HEIR OF DECEPTION

Перевод с английского *В. А. Сухановой*
Компьютерный дизайн *В. А. Воронина*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Taryn Fagerness Agency и Synopsis.

Кендалл, Беверли.

К35 Жертвуй счастью : роман / Беверли Кендалл ;
[пер. с англ. В. А. Сухановой]. — Москва : АСТ,
2015. — 320 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-090395-5

Пять лет назад прекрасная Шарлотта, не объясняя причин, покинула мужа Алекса Картрайта, наследника герцогского титула, прямо в день свадьбы.

Поначалу Алекс пытался лечить боль предательства вином и случайными связями, а затем и вовсе наглухо затворил свое сердце для чувств... Но однажды случилось невероятное — Шарлотта вернулась. Более того, Алекс узнал, что у них есть сын.

Нетрудно понять: Шарлотта по-прежнему любит супруга больше жизни. Тогда почему же она упорно противится попыткам Картрайта к воссоединению? Неужели в ее прошлом скрыта тайна настолько опасная, что эта прелестная женщина готова принести в жертву собственное счастье?..

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Beverley Kendall, 2012
© Перевод. В.А. Суханова, 2013
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-090395-5

Пролог

Лондон, 4 мая 1859 года

Гробовое молчание встретило Алекса Картрайта, маркиза Эйвондейла, когда он переступил порог собора Святого Павла.

Виконты Кресуэлл и Армстронг, а также Радерфорд, граф Уиндмир, были одеты в полном соответствии с этикетом. На них были темно-синие сюртуки, аккуратно завязанные галстуки и голубоватые брюки. Однако в отличие от одежды выражение их серых, как у осужденных на смертную казнь, лиц не соответствовало ситуации. Шевелюра Радерфорда была растрепана, как волосы шлюхи после ночи напряженного труда.

Остановившись, Алекс издал сухой смешок.

— Ну-ну, господа, все не так плохо, — насмешливо произнес он. — Зачем раньше времени погружаться в траур? Вы же не на похоронах, а на свадьбе.

При других обстоятельствах реакцией на такие слова была бы усмешка, но сейчас на лицах друзей Алекса не отразилось ничего, кроме легкой растерянности. Молчание, тяжелое, как корабельный якорь, казалось давящим. Алекса обдало холодом так, словно его окутал густой промозглый лондонский туман.

Однако он подавил нараставшее чувство тревоги, решив, что не даст этим людям испортить один из самых важных дней в его жизни.

Он двинулся к трем застывшим у большого мраморного стола фигурам. Под сводчатым высоким потолком с изображением херувимов и ангелов его шаги звучали приглушенно, поскольку пол был устелен ковром. Если бы в храме стоял привычный гул голосов, он отвлек бы Алекса от мрачности окружающей обстановки.

Они находились в южном приделе храма. Помещение было декорировано драпировками из дорогой, плотной темно-бордовой ткани. У камина из черного мрамора стояли достойные особ королевской крови кресла, обитые бархатом и украшенные позолоченным орнаментом. После внезапной, последовавшей год назад смерти брата — любимого отпрыска и наследника герцогского рода Гастингсов — Алекс начал привыкать к подобной роскоши. Мать Алекса сначала была решительно против его женитьбы на Шарлотте. Но затем, убедившись, что сын все равно женится, даже если не получит ее благословения, она использовала все имевшиеся в ее распоряжении средства для того, чтобы эта свадьба явилась самым заметным событием в свете и о ней не переставая говорили в течение по крайней мере следующих десяти лет.

Остановившись перед своими друзьями, Алекс приподнял бровь и обвел их насмешливым взглядом.

— Надеюсь, вы не будете выражать мне соболезнования по поводу свадьбы? — спросил Алекс, полагая, что легкий сарказм способен развеять их мрачное настроение. — Я рад, что вы пришли, — добавил он, отнеся поклон. — Я остановил свой выбор на вас, так как вы уже прошли это суровое испытание.

И действительно, все трое были уже женаты, причем счастливо. Ни один из них не раскаивался в том, что вступил в брак. Более того, друзья Алекса стали яркими защитниками этого общественного института.

Армстронг бросил быстрый взгляд на Радерфорда, и Алекс насторожился. За двадцать шесть лет знакомства он хорошо изучил своих друзей

и знал, что может означать такой взгляд. Произошло что-то ужасное, о чем ему бояться сообщить.

Алекса охватила паника. К горлу подкатил комок.

— Что-то с Шарлоттой, да? Что с ней? — выдавил он из себя.

Граф отвел взгляд.

Алекс вцепился в плечи Радерфорда и приблизил свое лицо к его лицу. Казалось, что молчание друга длится целую вечность.

— Говорите же, что случилось с Шарлоттой, черт возьми? — тряхнув Радерфорда, сквозь зубы процедил Алекс. — Она попала в аварию? Сильно пострадала? Где она?

Радерфорд с трудом согнул руку, которую держал Алекс, в локте и протянул ему письмо в конверте.

— Она прислала вам вот это, — хрипловатым голосом промолвил он.

Алекс выпустил руки друга и отступил на шаг, с недоумением глядя на белый прямоугольник в пальцах Радерфорда. Туман в его голове начал медленно рассеиваться.

Алекс заметил, что Радерфорд сжимает в другой руке еще один конверт, вскрытый и измятый. Значит, Шарлотта написала и ему, и он уже успел прочитать ее послание. Именно поэтому Радерфорд впал в мрачное состояние духа.

Шарлотта не попала в аварию. Она была жива и здорова. Иначе ее брат вел бы себя по-другому. Если бы Шарлотта заболела или получила увечье, Радерфорд дежурил бы сейчас у ее постели, и никакой силой нельзя было бы оттащить его от сестры. Облегчение, которое Алекс ощутил при осознании, что с Шарлоттой все в порядке, тут же сменилось тревогой. Она нарастала по мере того, как Алекс вглядывался в завитки знакомого почерка, которым было выведено на конверте его имя. Письмо, полученное от невесты в день свадьбы, могло означать только одно.

— Она не приедет, да?

Шелковый галстук, повязанный камердинером причудливым узлом, душил Алекса, как удавка.

— Картрайт... — произнес Кресуэлл, и голова Алекса резко дернулась в его сторону.

Армстронг вздохнул и провел рукой по копне золотистых волос, с состраданием глядя на друга. Ловить на себе такие взгляды в день свадьбы было для Алекса невыносимо.

Снова повернувшись к Радерфорду, он уставился на невскрытый конверт. Он знал, что содержимое письма нанесет ему сокрушительный удар.

— Что она пишет? — глухим голосом спросил Алекс.

От его прежней насмешливости и бравады не осталось и следа.

— Я не читал это письмо, — пробормотал Радерфорд и протянул послание другу.

Уголок конверта коснулся запястья Алекса, и он отдернул руку, как будто обжегшись. Отойдя на несколько шагов, Алекс снова с отвращением взглянул на него.

— Что она вам написала? — тихо спросил он Радерфорда.

Точно такое же выражение страха и беспомощности Алекс видел на лице своего друга три года назад, когда тот мерил шагами комнату, прислушиваясь к звукам, доносившимся из спальни, где рожала его жена.

— Что она написала в адресованном вам письме? — Теперь голос Алекса гремел в тишине храма, как канонада. — Ведь она вам тоже прислала письмо!

По коридорам храма прокатилось эхо.

Собравшись с духом, Радерфорд нервно сглотнул и наконец заговорил:

— Лакей принес письма за несколько минут до вашего прихода. Я собрался было...

— Черт возьми, старина, можно без предисловий?

Я хочу знать, что она написала!

— Шарлотта попросила у меня прощения за скандал, который разразится из-за ее поступка, и за пятно позора, который, быть может, ляжет на семью, но она, по ее словам, не может выйти за вас замуж.

Взревев, Алекс схватился за спинку ближайшего стула и почувствовал сквозь белые шелковые перчатки прохладу металлического каркаса. Он быстро заморгал, чувствуя, что на глаза наворачиваются слезы, и сглотнул слюну. Его тело оцепенело, ноги, казалось, налились свинцом и превратились в тяжелые гири.

— Где она?

В голубых глазах Радерфорда сквозила боль.

— Не знаю, — ответил он. — Она уехала из усадьбы, никому не сообщив, куда направляется. В письме Шарлотта просит не беспокоиться о ней и утверждает, что находится в полной безопасности.

Алекс почувствовал в груди сильную тяжесть, которая, казалось, могла раздавить все его внутренние органы. Но сердцу Алекса уже ничто не грозило — оно было разбито.

Шарлотта справилась с ним одним росчерком пера.

Алекс повернулся к открытой двери и скорее почувствовал, чем увидел, что друзья двинулись за ним. Он резко остановился и посмотрел на них.

— Оставьте меня. Я в полном порядке.

Но себе он не лгал. Он был лишен душевного покоя. Навсегда.

Друзья не последовали за ним, когда он снова направился к двери. Алексу казалось, что с каждым шагом умирает, превращаясь в прах, кусочек его глупой мечты о счастье, о семейной жизни с Шарлоттой.

Он покинул храм, чтобы снова вернуться к серым будням, наполненным ничтожными заботами.

Глава 1

Беркшир, 1 марта 1864 года

Ее сестра была серьезно больна.

Мысль об этом мучила Шарлотту Радерфорд, наполняла ее душу страхом, лишала сна. Она не могла сомкнуть глаз после того, как ее дорогой друг, Лукас Бомон, вернувшийся недавно из Англии, привез это печальное известие.

Два дня Шарлотта не находила себе места, а затем спешно собралась в путь и покинула свой маленький домик на Манхэттене. Ей предстояло пересечь Атлантический океан. Плавание длилось долгих одиннадцать суток. Этого времени было достаточно для того, чтобы предаться своим мыслям и воспоминаниям. Шарлотту охватили горькие сожаления, временами сердце замирало от острых переживаний и страха. Она боялась, что ее возвращение в Англию откроет ящик Пандоры.

И вот уже через две недели после того, как Шарлотте стало известно о болезни сестры-близнеца, она добралась до того места, которое называла своим домом. С замиранием сердца подходила она после пятилетней разлуки к дверям Радерфорд-Мэнора.

Но все переживания Шарлотты бледнели при мысли о том, что ее сестра Кейти серьезно больна. Ради Кейти она была готова на все, даже терпеть невыносимую боль, которую могла причинить ей незаживающая душевная рана.

С тревогой, ставшей отныне ее постоянной спутницей, Шарлотта подняла дубовый молоток и три раза постучала им в дверь.

Ожидание показалось ей томительно долгим. Может быть, никого нет дома? Шарлотта не подумала о том, что дом может быть пуст. Прибыв в Лондон, она села на Паддингтонском вокзале в поезд и добралась до Рединга.

Бросив взгляд через плечо, Шарлотта увидела, как к дому подкатил экипаж и остановился рядом с тем, в котором приехала она. Раз в дом пожаловали гости, значит, в нем был кто-то из хозяев.

Наконец дверь открылась, и она увидела Ривза, дворецкого Радерфордов, который служил в доме тридцать с лишним лет. Это был высокий, худощавый старик с морщинистым лицом. Встреча с ним пробудила в памяти Шарлотты воспоминания о счастливых годах, проведенных в усадьбе. Однако ее неприятно поразило, как сильно постарел Ривз за последние пять лет. Если раньше в его густой шевелюре просматривалось всего лишь несколько серебристых прядей, то теперь он превратился в седого как лунь старца. Он утратил прежнюю горделивую осанку, которой мог бы позавидовать любой мажордом. Время не пощадило Ривза, он осунулся и теперь слегка сутулился.

Ривз был вышколенным, типично английским дворецким, и Шарлотта никогда не думала, что он умеет выражать какие-то эмоции. Однако, увидев ее, старый слуга вдруг страшно побледнел. Некоторое время он не мог произнести ни слова и только молча смотрел на Шарлотту, вытаращив глаза. Шарлотта подавила нервный смех. Она тоже молчала, боясь, что если заговорит, то не выдержит и разрыдается прямо здесь, на пороге.

Во дворе заржала лошадь. В кустах продолжали весело щебетать и чирикать птицы. Ривз, казалось, изо всех сил старался вновь обрести дар речи. И наконец это ему удалось.

— Мисс Шарлотта! — негромко воскликнул он, словно не верил собственным глазам и боялся, что от излишнего громких звуков явившееся ему видение растает.

Шарлотта смущенно улынулась, чувствуя, что на глаза наворачиваются слезы.

— Привет, Ривз. Я рада видеть вас в добром здравии.

Подобное приветствие вряд ли было уместным, если учесть тот факт, что пять лет назад она просто-напросто исчезла из дома, не сказав никому ни слова, однако Шарлотта не нашла более подходящих слов.

Ее голос, казалось, окончательно вывел старого слугу из ступора. Распахнув дверь, он провел ее по широкому коридору в холл. Она уже начала забывать, насколько просторным был усадебный дом ее брата.

— К сожалению, мы не были извещены о вашем прибытии, — сказал дворецкий. — Его светлость с супругой и детьми сегодня утром уехали в Лондон. Но мисс Кэтрин у себя. Она будет счастлива видеть вас.

На губах дворецкого появилось подобие улыбки. Он совсем не был похож на того непоколебимого стойка, каким его всегда знала Шарлотта.

— У меня не было времени известить вас о своем приезде.

Шарлотта была уверена, что все обитатели усадьбы будут дежурить у постели больной. И ее удивило, что Джеймс уехал в Лондон, оставив Кейти на попечение слуг и, должно быть, лечащего врача. Это было не похоже на ее брата.

Шарлотта, резко повернувшись, взглянула в лицо старого слуги. Он хотел помочь ей снять меховую накидку, но она остановила его.

— Ривз, меня прежде всего интересует состояние здоровья Кейти!

Ривз замер, наморщив лоб. Но вскоре глубокие складки на его лбу разгладились.

— Если вы имеете в виду ту простуду, с которой мисс Кэтрин слегла в прошлом месяце, то, уверяю вас, она давно поправилась.

Простуда? Но Шарлотта хорошо помнила слова Лукаса: «Врач сделал все, что было в его силах... Если Кейти поправится, это будет настоящим чудом...» Об обычной простуде так не говорят!

Однако прежде чем Шарлотта успела снова накинуться на Ривза с вопросами, на двойной лестнице из красного дерева слышались шаги, а затем раздался пронзительный восторженный крик. Обернувшись, Шарлотта увидела свою сестру, стоявшую вверху у балюстрады. Она, казалось, была готова взлететь и приземлиться в холле.

— Шарлотта, неужели это ты?! — воскликнула Кейти и стала поспешно спускаться по правому крылу лестницы.

Шарлотта сквозь пелену слез видела ее быстро приближающуюся фигуру в бледно-зеленом муслиновом платье. Ладонь Кейти скользила по перилам из полированного красного дерева, юбка развевалась и трепетала на ходу. Шарлотта как замороженная следила за каждым движением сестры, не в силах произнести ни слова.

Лукас утверждал, что получил сведения о болезни Кейти из надежного источника, однако его, по-видимому, ввели в заблуждение. Кейти была здорова.

По крайней мере Шарлотта никогда не видела, чтобы люди после тяжелой болезни, едва не приведшей к смертельному исходу, выглядели так хорошо. У Кейти был цветущий, пышный здоровьем вид. Ее щеки пылали от волнения, а не от лихорадки. Сестра Шарлотты была здоровой, жизнерадостной двадцатичетырехлетней девушкой.

Шарлотту захлестнула волна сильных эмоций. После двух недель беспокойства, тревоги, горячих молитв она наконец испытала радостные чувства и бросилась навстречу сестре.

— Ах, Лотти, ты вернулась, — твердила Кейти, со слезами обнимая Шарлотту. — Господи, как я соскучилась по тебе!

Шарлотта задыхалась от рыданий, слыша имя, которым ее называли в детстве. К радости

и облегчению примешивалась боль от долгой разлуки. Шарлотту была мелкая дрожь. В последний раз они вот так лихорадочно обнимались в детстве, в возрасте пяти лет, когда приехали в школу-интернат и очень испугались чужой незнакомой обстановки. У девочек в целом мире не было никого, кроме отца, но его участие в жизни детей ограничивалось лишь их материальным обеспечением.

— О Боже, я думала, что ты... — промолвила Шарлотта и осеклась, когда увидела заплаканное лицо сестры, полное жизни и здоровья.

Шарлотта не могла произнести страшные слова о том, что ожидала увидеть Кейти на смертном одре. Нет, сказать такое было выше ее сил.

— Так что же ты думала? — дрожащим от слез голосом спросила Кейти.

— Я думала, что вряд ли застану тебя дома, — быстро нашлась Шарлотта. — О, Кейти, я тоже по тебе страшно скучала!

Кейти учащенно задышала, из ее груди вырвались глухие рыдания, и она снова крепко обняла Шарлотту, едва не задушив ее. Они долго стояли, не различая объятий. Им казалось, что время остановилось.

Наконец Шарлотта глубоко вздохнула. Ее сестра теперь дышала спокойно и ровно, и Шарлотта, высвободившись из ее объятий, взглянула в родное лицо, которое было разительно похоже на ее собственное. Небесно-голубые глаза, окаймленные длинными густыми ресницами, пристально смотрели на нее. На них все еще блестели слезы. Отливавшие золотом локоны Кейти растрепались и выбились из прически. Шарлотта по собственному опыту знала, как было трудно аккуратно уложить и заколоть на затылке тяжелые густые волосы.

Кейти погладила Шарлотту по щеке.

— Почему ты не сообщила нам о своем приезде в последнем письме?

— Решение пришло ко мне внезапно, — сдавленным от волнения голосом прошептала Шарлотта.

— Джеймс и Мисси сойдут с ума от радости, когда узнают, что ты вернулась. Они собирались пробыть в Лондоне целую неделю, но, получив от меня известие о твоём приезде, сразу же бросятся домой. Кристофер сейчас путешествует по континенту и раньше осени в Англию не вернется.

Шарлотта считала, что в жилах их единокровного брата Кристофера текла кровь бродяг, любителей дальних странствий. Окончив Итон, он пустился в путешествие по континенту. И это было хорошо. Шарлотта чувствовала бы себя не в своей тарелке, если бы Кристофер находился сейчас в Англии. Вряд ли она рискнула бы приехать домой, зная, что встретится с ним.

— Я знаю, что, кроме тебя, в доме никого нет. Но может быть, это и неплохо? У нас по крайней мере есть возможность побыть вдвоем.

Кейти вспыхнула от удовольствия. Они немного помолчали, а затем Кейти отступила на несколько шагов и окинула фигуру сестры, одетой в сине-желтый шерстяной дорожный костюм, критическим взглядом. По ее лицу пробежала тень недовольства.

— Ты чересчур худая. Я намного полнее тебя!

— Я недавно похудела.

Шарлотта лишилась аппетита, узнав, что сестра серьезно больна. Но Кейти она об этом сказать не могла.

— Мы откормим тебя, вот увидишь. Ты всегда небрежно относишься к своему здоровью, — заявила Кейти, с жалостью глядя на сестру, превратившуюся в щепку.

Костюм, который всего лишь несколько недель назад прекрасно сидел на Шарлотте, теперь болтался на ее исхудавшей фигуре.

— Ты ничуть не изменилась, все такая же властная и настырная, — с улыбкой заметила Шарлотта, пытаясь разрядить атмосферу.

У сестры еще будет время покритиковать ее рацион и режим питания. Шарлотте хотелось о многом расспросить Кейти, но она боялась задавать вопросы.

— А вот дом в отличие от тебя сильно изменился, — продолжала она, скользнув взглядом по холлу с высоким потолком и входу в широкую галерею. — Я с трудом его узнаю.

Кейти быстро подошла к сестре и взяла ее под руку. Казалось, ей хотелось постоянно прикасаться к Шарлотте, дистанция между ними была для нее невыносима.

— Да, Мисси перестроила дом три года назад. Я горда тем, что тоже приложила к этому руку. Представь себе, эту люстру выбирала я!

И Кейти показала на огромную хрустальную люстру сложной композиции, висевшую высоко у входа.

— Тебе нравится?

Шарлотта кивнула. Ее сестра всегда отличалась хорошим вкусом.

— Мисси заявила, что дом должен быть приспособлен для живущих в нем детей. Поэтому были куплены мягкие ковры. Теперь если на пол упадет дорогая веджвудская ваза, она не разобьется. Мрамор в этом смысле очень опасный материал, — смеясь, заметила Кейти. — Постепенно обстановка дома стала более уютной и теплой. Надеюсь, ты почувствовала это. Теперь он меньше напоминает музей, не правда ли? При вдовствующей графине все было иначе.

Шарлотта кивнула, чувствуя, как при упоминании о графине по спине пробежал холодок. Ей не хотелось вспоминать мать своих братьев, и она, потупив взор, стала рассматривать персидский ковер под ногами, а затем ее взгляд скользнул по темно-зеленому шелку, которым были обиты стены. В холле стояли два инкрустированных столика орехового дерева и несколько стульев с мягкими сиденьями.

— Да, ты права, — проговорила Шарлотта.

Через несколько месяцев после смерти их отца вдовствующая графиня Уиндмир переехала в Девон, а хозяином усадебного дома стал Джеймс. Шарлотте этот дом всегда казался чужим и холодным. Графиня не скрывала своего враждебного отношения к ней

и Кейти, хотя они так и не были официально представлены ей. Впрочем, ее чувства к незаконнорожденным дочерям мужа были вполне объяснимы, если учесть, что девочки появились на свет всего лишь несколько месяцев спустя после рождения Кристофера, ее младшего сына. Впрочем, ненависть вдовствующей графини зашла слишком далеко. Ее письмо и угрозы свидетельствовали о том, насколько мстительной она была.

— Знаешь, когда вдовствующая графиня умерла, я, с одной стороны, прониклась искренним сочувствием к Джеймсу и Кристоферу, — сказала Кейти. — Но с другой стороны, не буду скрывать, я испытала облегчение от того, что наши пути больше никогда не пересекутся.

У Шарлотты перехватило дыхание.

— Она умерла? — спросила Шарлотта хриплым шепотом, как будто боялась разбудить покойницу.

Кейти с недоумением посмотрела на сестру.

— Надеюсь, это известие тебя не сильно расстроило? — наморщив носик, спросила она. — Ты знаешь, я не люблю громких фраз, но графиня поистине отравляла мне жизнь. Если бы ты осталась дома, это и тебя коснулось бы. По ее вине я не вышла замуж. Несмотря на угрозы Джеймса урезать сумму на ее содержание, она первому встречному рассказывала о том, что мы незаконнорожденные дети и не достойны добропорядочных женихов.

Шарлотта долго молчала, пытаясь переварить обрушившуюся на нее новость. Теперь, когда вдовствующей графини не стало, она могла вздохнуть свободно и больше не бояться ее угроз.

— А когда она умерла?

— В начале прошлого года. Я известила бы тебя об этом, если бы ты так часто не меняла обратный адрес, — с упреком в голосе промолвила Кейти. — Мне кажется, ты избегала дважды использовать один и тот же.

Шарлотта густо покраснела. Ее письма отправлял Лукас, когда ездил по делам в Анг-